

Сергей Прокопьев

**МИНИ-РОМАН
О БАБУШКЕ
ПОЛИН**

16+

Сергей Николаевич Прокопьев

Мини-роман о бабушке Полин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48438560

SelfPub; 2019

Аннотация

Не будь этой семьи, не живи эти люди на земле – жизнь была бы на долю градуса пресней. Само собой – грешили. Покажи бесовская канцелярия перечень прегрешений каждого, не на один том набралось бы. Осуждали ближнего и дальнего, обижали и тех, и других, злобу под сердцем носили почём зря, гордыней страдали, смирением не отличались, но и украшали собой землю. Что там говорить – украшали. Песнями, чудачествами, детьми. Он – Фрол Кузьмич, она – Полина Ивановна. Что один, что другая – личности харизматичные. Он и фронтовик, и гармонист, а она первая певунья на селе и рыбные пироги стряпала как никто.

Содержание

Сергей Прокопьев	4
Артист-пулемётчик	4
Сценические и печные подмостки	8
Ёшь золотая	15
Штрихи к портретам Федьки и Анатолия	17
Лёшка и моторашка	20
Покос	22
Чудеса офтальмологии	28
Вафельница с метровыми ручками	31
На Алтай в тапочках	34
Лебединое озеро	36
Поскучнела жизнь, да не совсем	38
РЕВЕЛА БУРЯ В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ	40

Сергей Прокопьев

МИНИ-РОМАН О БАБУШКЕ ПОЛИН

Артист-пулемётчик

Не будь этой семьи, не живи эти люди на земле – жизнь была бы на долю градуса пресней. Само собой – грешили. Покажи бесовская канцелярия перечень прегрешений каждого, не на один том набралось бы. Осуждали ближнего и дальнего, обижали и тех, и других, злобу под сердцем носили почём зря, гордыней страдали, смирением не отличались, но и украшали собой землю. Что там говорить – украшали.

Он – Фрол Кузьмич Кругляков, она – Полина Ивановна с той же фамилией. Что один, что другая – личности харизматичные. Фрол – фронтовик. Без ноги вернулся с Великой Отечественной в родную Белоярку. По этой причине конторским стал. В госпитале освоил бухгалтерское дело. Тут власть заботу проявляла – обучали покалеченных фронтовиков инвалидным специальностям. Бухгалтер он и без ноги мог дебет с кредитом на счётах сводить под ноль. Язык у Фрола Кузьмича от природы ораторски подвешенный, на войне не пострадал, а только закалился. Утром в контору

Фрол Кузьмич загодя приковывается. Мужики у крыльца курят, обязательно кто-нибудь спросит: «Фрол Кузьмич, чё там пишут?» Фрол Кузьмич газеты да журналы пачками выписывал. Как начнёт рассказывать, что да почему на земном шаре творится. Давал перцу империалистам, что на Кубу хобот поднимали или ещё какие козни устраивали против бьющихся за свободу негров. Вьетнам американцы напалмом жгли... На основе газетной скукоты такой политтеатр разворачивал механизаторам, скотникам и остальным колхозникам – только держись. И за столом незаменимый тамада с неизменным баяном. И пел... Высокий, чистый голос... «Соловушка наш!» – бывало, расчувствуются бабы...

Кстати, о птичках певчих. Точнее – о войне. Три года без малого день в день отрубил на передовой Фрол Кузьмич, но при всём своём красноречии рассказывать о славном боевом пути не любил. Категорически. Отшучивался, если кто начинал с расспросами вязаться:

– Да чё я воевал?! На гармошке всю дорогу песни играл.

– Артистом, что ли?

– Ну! Артист-пулемётчик. «Строчит пулемётчик за синий платочек...» Постреляю чуток по фрицам, чтоб не вякали, и за гармошку или баян. Как-то деревню под Орлом освободили, аккордеон немецкий ребята принесли. На нём тоже наловчился пиликать.

Напиликал Фрол Кузьмич на два ордена Боевого Красного Знамени, медаль «За отвагу», орден Красной Звезды.

Творчески получалось не только меха баяна растягивать, пулемёт в руках сибиряка тоже искусно строчил по бойцам фрицевской армии. Командовал Фрол Кузьмич расчётом «максима». И Бог хранил его на передовой. В солдатах был щупленьким, не всякая пуля ужалит такую цель. Пулемётное гнездо, известное дело, кость в горле для врага. Первым делом норовит он эту огневую точку заткнуть, лупит по ней из чего только можно. Фрол Кузьмич за щитом «максима» голову, плечи, грудь, остальное худенькое туловище ухитрялся прятать от пуль и осколков. А куда длинные ноги девать? На них не хватало защиты. Пять раз слабому месту доставалось.

Четыре первых ранения, можно сказать, были пристрелочными. Последнее случилось при переправе через Западный Буг. С группой бойцов десантом под шквальным огнём переплыли реку, на вражеском берегу зацепились за высотку, дабы обеспечить подход основных сил, да батальон, идущий следом, немцы остановили, не дали с ходу занять позиции. Четырнадцать часов, весь световой день, пулемёт Фрола Кузьмича держал оборону. Ствол «максима» раскалился докрасна, казалось, не стрелял, а плевался огнём. Одиннадцать атак отбила тающая горстка солдат.

Из пяти бойцов расчёта Фрола Кузьмича к вечеру уцелели всего двое, плюс «максим», тот тоже продолжал воевать – очередь за очередью посылать в немецкую сторону. «Кажется, продержались!» – в сумерках подвёл итог трудового дня

Фрол Кузьмич. И поторопился подводить черту, немецкий коллега-пулемётчик крупнокалиберной очередью резанул по ногам гармониста. Раненого сразу бы к хирургу на стол. Да где тот хирург со столом? Пока наши в темноте подошли, пока Фрола Кузьмича в госпиталь переправили, пока до него очередь дошла, ничего другого не оставалось, как ампутировать правую ногу выше колена. Отвалялся Фрол Кузьмич полтора года в госпиталях и вернулся в родное село с гармошкой, орденами и на протезе. Искусственная нога не помешала первую красавицу взять в жёны.

Сценические и печные подмостки

И не только красавицу отхватил в жёны фронтовик, по музыкальной части она в самый раз подходила Фролу Кузьмичу. Полина Ивановна – певунья. Грудной сочный голос. Меццо-сопрано по-научному. И внешними данными в молодости была, как с оперной сцены шагнула на сельскую улицу. Не с балетных подмостков, где, как известно, не женщины, а кости да мышцы, кожей обтянутые. Оперные певицы – совсем другое дело. Голос он лучше в пышных формах держится. Ему плодородную почву подавай. Нужны стать, рост, объём груди. Как запоёт Полина Ивановна! Красота! На всех гулянках первая исполнительница народных песен. На ча-стушки-пустобрёшки – похихикал и забыл – не тратила талант. Предпочтение отдавала протяжным, где душа горлом рвалась наружу. До слёз пробирала. Пусть и полупьяных. А ведь тоже надо уметь. Любила затянуть:

Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой.
Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой.

Песня сметала широкой волной разговоры. За столом делалось тихо, как в концертном зале. Так уж повелось в засто-

льях – этой песне-балладе не подпевали, все слушали. Виделась Волга с высоченными заснеженными берегами, тройка на искрящейся под солнцем дороге и ямщик, объятый тяжёлой думой, с раной на сердце – навсегда терял любимую девушку...

Ах, барин, барин, скоро Святки,
А ей не быть уже моей,
Богатый выбрал, да постылый –
Ей не видать отрадных дней...

Что уж там творилось внутри Полины Ивановны, когда пела? Спроси – она и сама бы лишь плечами пожалала... Кажалось бы, где та Волга подо льдом? Где та тройка под расписными дугами? Где тот ямщик с ремённым кнутом? Но звучала песня так, что с последней нотой хотелось садануть себя кулаком по колену, выдохнуть, мотнув головой: «Эх!.. Жизнь ты моя поломатая!»

У Фрола Кузьмича, отчаянного пулемётчика, любимой песней была «Безымянная высота». На День Победы исполнял её обязательно. Девятого мая у обелиска в центре села собирались воины Великой Отечественной. Фрол Кузьмич приходил с баяном. «Безымянную высоту» пели все фронтовики. У каждого случалось в круговерти войны: «Нас осталось только трое из восемнадцати ребят».

В домашнем хозяйстве, что Фрол Кузьмич, что Полина

Ивановна, не блистали талантами. Детей-то нарожали, дай Бог каждой семье. По демографическому показателю плодovitая вышла пара: пять сыновей и две дочери. А хозяйство – смех. Корова вечно по титьки в навозе. В огороде травища по пояс. Что дети сделают, то и ладно. Фрол Кузьмич по причине протеза не рвался на передовую домашних проблем. Полина Ивановна выборочно относилась к ним. В огородных делах явно была не прима. Здесь формула «талантливый человек – талантлив во всём» применения не имела.

Чего не скажешь о кулинарном даре! Особенно, если вдохновение поварское накатывало. Не обязательно по причине праздника. Могла под вечер прийти с работы, служила библиотекарем в школе, и вдруг зачешутся руки... И пошло-поехало. Кураж Полины Ивановны передавался русской печке. Белёной толстобоклой красавице, что стояла главным атрибутом-агрегатом большой кухни. Как гармошка в руках Фрола Кузьмича, которая преображалась, когда хозяин входил в азарт, так и печь. Полина Ивановна ворочала чугунками, кастрюлями, сковородками, печка гудела огнём, дышала созидательным жаром. Вареве-жареве бурлило, скворчало, источало ароматы... Готовила Полина Ивановна в циклопических количествах. Оно и понятно – орава в доме. Поэтому чистить, резать, крошить приходилось горами. Если бы Ахматова увидела этот процесс, она бы точно привела цитату из себя: «Когда б вы знали, из какого сора растут цветы...» Охваченная порывом кулинарного созидания, Полина

Ивановна не думала о мелочах, отходы летели во все стороны, если что задерживалось на столе (луковая шелуха, картофельные очистки), тут же следовал широкий жест, смахивающий помехи на пол – нечего путаться под руками. Как скульптор избавляется от лишнего, высекая из камня шедевр, так Полина Ивановна, отбрасывала в сторону ненужное.

– Мам, мы только что пол подмели, вымыли! – завозмущаются дочери при виде варварской картины.

– Не скиснете! Ещё раз уберётесь!

Гудел огонь, умопомрачительные запахи распространялись по всему дому...

В процессе творческого порыва вдруг обнаруживалось отсутствие необходимого ингредиента. Полина Ивановна, как полководец, ведущий решающее сражение, бросала в бой резервы. Отправляла детей в магазин. Если сыновья-дочери отсутствовали под рукой, успевали смыться к данному моменту, приходилось решать проблему с привлечением соседских запасов. В нетерпении творца Полина Ивановна выскакивала на высокое крыльцо, кричала соседке, что жила за глухим дощатым забором:

– Лена, выручай! Соль кончилась!

Голос Полины Ивановны пробивал любые заборы и стены. Пол-улицы тут же узнавало о солевом дефиците у Кругляковых. Лена щедро сыпала в стакан соль, бежала к соседке, обязательно спрашивала, предвосхищая события:

– Может, ещё чё надо? Принесу!

– Не, у нас всё есть! – звучало в ответ.

Но вскоре раскрасневшаяся от внутренней энергии и внешнего печного градуса Полина Ивановна снова кричала с крыльца:

– Лена, лаврентия неси!

Лаврентий – не мужик в очёчках и с усами, лютый госдеятель времён сталинизма. Лаврентий – лавровый лист.

– Недавно покупала, – принимала от Лены специю, – да на мою шоблу не напасёшься!

Могла понадобится томатная паста, перец-горошек. Да мало ли что. Лена с удовольствием выручала соседку, она знала – в последний раз Полина Ивановна выскочит на крыльцо с призывным:

– Лена, айда пробовать!

Полина Ивановна была из тех художников, которые не прячут произведения по запасникам, а щедро выставляют их на суд почитателей. Лена бросала всё и летела снимать пробу с шедевра.

Элементарные щи получались гениально. Рассольник из почек – ел бы и пел. Исходный материал для блюд (скажем, мясо), конечно же, самой высокой кондиции. При должности Фрола Кузьмича только качественные продукты могли доставляться в дом. Да ведь чей желудок не испытал на себе истину: легче пареной репы превратить отличный продукт в тошнотворное варево. У нас – ничего подобного. Корон-

ным блюдом у Полины Ивановны считались рыбные пироги. Они имели высочайший рейтинг в Белоярке. Стояло село на берегу Иртыша не одну сотню лет, местные жители спокон веку умели обращаться с рыбой, но... Если у кого-то из сельской элиты случалось особой важности торжество – шли на поклон к Полине Ивановне с нижайшей просьбой испечь пироги. И потом блюдо за столом торжественно представлялось как авторское, фирменное. Все знали: пироги от Кругляковой – значит, высший класс.

Исключительная была повариха Полина Ивановна, тогда как на стирку талантов не хватило. Мешал размашистый характер. Могла вместе с половиками праздничные рубашки сыновей замочить. Рассуждала: чё зря стиральный порошок и время терять? Замочит на полчаса, а тут на гулянку, к примеру, позовут. Мало какое сельское торжество (именины, крестины, свадьбы, проводы в армию, встреча родственников) обходилось без Кругляковых. Фрол Кузьмич в одном лице две роли исполнял. С одной стороны, гость почётный, почти свадебный генерал, колхозный бухгалтер – должность высокая, а с другой – баянист, каких поискать. И человек компанейский, в нужный момент он и анекдот расскажет, и любой политический вопрос разложит по полочкам. Ну и Полина Ивановна – звезда не второй величины, украшение любой компании... Позовут Кругляковых на гулянку... И если Полина Ивановна у корыта в тот момент окажется, приоритет в дилемме – стирать или гулять – не первому отдаётся.

Поэтому нескоро возвратится к замоченному белью хозяйка. И результат может получиться не слишком радостный для стираемых предметов. Кинутся сыновья рубашки искать, на танцы, к примеру, идти в клуб, а рубашки полосами от половиков.

– Мам, ты чё сделала?

– Чё-чё! Постирала. Ходите чумазиками! Надевайте, чё носом крутить. Чистые да и ладно!

– Да полосами же! Это ведь не отстираешь!

– Но не рваные ведь!

Ёшь золотая

Вся семья пела. Могли такой концерт закатить. Фрол Кузьмич на баяне играл самоучкой, ни единой ноты не знал, а мог бы, прояви желание, по музыке учёным стать. Его в музучилище из госпиталя звали. Настойчиво агитировали, дескать, с вашим абсолютным слухом будущее отличного музыканта вам обеспечено, немного подучиться. Фрол Кузьмич – мужичок расчётливый, пораскинул мозгами и отказался. Лестно о себе такое услышать, но «абсолютный слух» – это что-то абстрактное. Тогда как бухгалтерские счёты в руках – вот это профессия. Одним словом, не захотел менять село на призрачное городское счастье. На жизнь зарабатывал в конторе, а уж в свободное время, в особенности в выходные и праздничные дни, баян из рук не выпускал... И в будни мог запросто привести друзей-товарищей домой. Наплевать, ночь или полночь – айда ко мне, дорогими гостями будете. Выпьют, конечно же, и, конечно, не чаю морковного, следующий после тостов номер программы – хозяин детьми начнёт хвастать. Давай будить свою гвардию на концерт. Ни сыновей, ни дочерей не учил никогда буквам или стихотворениям типа «Идёт бычок, качается...», но петь да играть – с малолетства всех. Чуть подросли – вот уже и хор. Здорово пели. И солистом каждый мог. Как такими детьми не погордиться перед подгулявшими товарищами. Младшего Федьку

Фрол Кузьмич на табуретку ставит: «Пой, сынок!» А Федька спать хочет, глаза у бедняжки слипаются.

И с дикцией не лады – не все буквы ещё выговаривал. Но отца это разве остановит, ему во что бы то ни стало надо продемонстрировать таланты наследников. И запоёт, бывало, Федька с табуретки, как со сцены, старательно высоким голоском выводя: «Ой, ты ёшь, хорошо поёшь! Ты о чём поёшь, золотая ёшь! Счастье повстречается, мимо не пройдёшь! Ой ты, ёшь!»

«Ёшь» – это у Федьки «рожь» так выпевалась.

Штрихи к портретам Федьки и Анатолия

С годами у Федьки с дикцией всё наладилось, его даже в Омский хор приглашали. Он учился в автодорожном институте, пел в институтском ансамбле, знаменитый солист Омского хора Шароха на смотре студенческой самодеятельности заметил талантливого парня. Он и фактурой мужской любо-дорого посмотреть – в плечах широченный, русые вьющиеся волосы! И голос... Шикарный баритон. Шароха и так и сяк принялся соблазнять студента на профессиональную сцену. Бросай, мол, институт, пошли к нам, будешь по заморским странам ездить: Америка, Цейлон, Франция, Швейцарии всякие... И не где-то во втором ряду подпевать, место солиста обеспечено. Между делом, дескать, окончишь музыкальное училище, а там и консерваторию. Но Федька, как и отец в госпитале, отказался от призрачных хлебов артиста, решил, что у инженера-дорожника надёжнее будущее. Лишь иногда посетует: «Мог бы и со сцены петь!» Но тут же оборвёт себя: «Да чего там хорошего в этом артистическом блудосборище!»

Брат Фёдора Анатолий, было дело, голосом подрабатывал на кусок хлеба. Учился в институте не ахти как, стипендия далеко не всегда обламывалась, ну и пел в ресторане. Школу Анатолий с грехом пополам окончил. Некогда было впи-

тывать знания. То на рыбалку труба зовёт – стерлядь дуром на закидушки прёт, то хоккейный сезон нагрянул или надо терзать гитару в школьном вокально-инструментальном ансамбле. Когда тут за учебниками сидеть. Тем не менее, после выпускного вечера сунулся не в профтехучилище, в институт подал документы, амбициозности не занимать, ну и с первого экзамена оказался за бортом высшего образования. Вскоре в армию забрили. В тюменских лесах Анатолий задумался – ведь ему светит всю жизнь в навозе возиться, нужен диплом. Служил в ракетной части. Командир – мастер спорта по многим видам – гонял воинов-ракетчиков через день да каждый день. То кросс, то разминка, то соревнования, то тренировка. У Анатолия хорошо получалось бегать на лыжах, и без оных толкать и метать всё, что можно. Нацелился он на физкультурный институт.

Но ведь там экзамены не только по бегу и прыжкам. Анатолий попросил старшую сестру Светлану выслать ему все учебники, начиная с пятого класса. Много нового для себя открыл по всем предметам. Дополнительно к теоретическим занятиям по русскому писал сестре Светлане длинные письма, она учительницей работала в Бийске, и требовал, чтобы та присылала их обратно с указанием красной ручкой ошибок орфографических и стилистических. Поначалу возвращались письма типа картин на тему первомайской демонстрации – красным-красно на каждой странице. Но потом праздник стал уменьшаться. В синие будни в конечном итоге

так и не превратился, но на троечку сочинение при поступлении в институт Анатолий написал. На твёрдую троечку. И остальные экзамены сдал с таким же успехом, кроме спортивных. Что касается испытаний на беговой дорожке, в бассейне и в секторе для метания, здесь Анатолий мало кому уступил. Учась «на спортсмена», пением в ресторане неплохо подрабатывал.

Лёшка и моторашка

У Кругляковых в те славные времена, когда все они жили в Белоярке, середины не было. И ходили-то все ускоренным темпом. Даже Полина Ивановна при её внушительной комплекции отличалась лёгкостью на ногу. Фрол Кузьмич, несмотря на протез, тоже умудрялся с ветерком гнать вдоль по Промышленной, так называлась центральная улица, по которой ветеран-инвалид нарезал в контору. Ну а уж сыновья, те исключительно бегом. Но и бега им не хватало, чуть подрастали, сразу повышали скорость передвижения по селу с привлечением технических средств – пересаживались на велосипеды, мотоциклы... С этого исторического переходного момента пешком очередного подростка Круглякова никто не видел. Казалось, что и уезжали они навсегда из села на своих мотоциклах, или, как звала Полина Ивановна двухколёсных коней с мотором, моторашках. В результате один Лёшка остался верен родному селу, остальных его братьев и сестёр разнесло по белому свету.

Лёшка за всех братьев в Белоярке отдувался на гулянках – пел, на баяне играл, а также на гитаре, балалайке веселил публику. Он не прельстился высшим образованием. Фрол Кузьмич с гордостью говорил: «Я всем детям дал образование!» И добавлял с грустинкой: «Лёшку-шалопаю тоже бы выучил момента, когда какой-нибудь сердобольный земляк

увидит картину «Богатырь на перепутье» и спросит:

– Чё, Лёша, домой?

Лёша мотнёт утвердительно не совсем послушной головой. Земляк повернёт руль, задаст нужный вектор, и вскоре моторашка с нагулявшимся хозяином упрётся в родные ворота.

Покос

Отзвенели молодые годы Фрола Кузьмича и Полины Ивановны, пролетело лето жизни, с ярким солнцем, весёлыми грозами, радужными ливнями, подошла осень земного пути. Дети разлетелись по большим городам, обзавелись семьями, обросли заботами, некогда родителям весточку написать лишний раз. Один Лёшка в пяти минутах жил. Опустился в недавнем прошлом шумный дом. Кошка Лизка мяукнет когда или корова Марта замычит во дворе, да пёс Уран взбрехнёт. От коровы Фрол Кузьмич отказываться не хотел. Любил он простоквашу, литрами мог пить, и всё же не в ней крылась причина. Месяца за полтора до сенокоса Фрол Кузьмич садился за письма сыновьям. День Победы отгуляет, отпразднует, как полагается фронтовику, а где-нибудь через недельку, отойдя от события, садился за письма. Писал длинно, слезливо, давил на жалость без всякой скидки. Дескать, ослабли мы с матерью, не то, что раньше горы могли свернуть, не та силушка, а надо сено косить. Полина Ивановна ворчала, ругалась:

– Ну чё ты опять пристаёшь! У них своих дел невпроворот, а ты с покосом, Лёшка не накосит, чё ли? А то и купим, они обязательно деньги пришлют! Не оставят, не бойся. Уж детки у нас, дай Бог каждому.

Фрол Кузьмич не обращал внимания на замечания жены,

строчил и строчил. Отправив первую партию писем, он и не думал сложа руки ждать реакцию сыновей на вопль отца о помощи. Через неделю садился за следующий почтовый веер. Ответов в эпистолярном жанре не было. Кто-то звонил по телефону, кто-то

отмалчивался... Да Фрол Кузьмич на письма и не надеялся. Главное считал – достучаться до совести. И ведь ни разу не получалось, чтобы никто не приехал. Бывало, все собирались. В том числе невестки, зятя, внуки.

Вот уж когда дом вставал кверху дном. Приезжали гости на короткий срок. Поэтому в долгий ящик ничего не откладывали. Невестки и дочери с порога затевали генеральную уборку по всем углам, Полина Ивановна вспоминала молодость и прочно занимала место у печки и гнала всех, кто набивался в помощники. Сама шуровала чугунками да сковородками, заводила тесто. Внуки шныряли по огороду. Хоть бабушка и не больно много внимания уделяла грядкам, всё равно было что поклевать: морковка, горох, бобы, малина дурниной росла у забора, на задах смородина – красная да чёрная. При случае можно и на крыжовник наткнуться в зарослях травы. Сыновья тоже что-то делали под командованием отца во дворе и дома, но на покос не рвались в первый день. Мужики считали: никуда он не денется. Куда рвались сыновья, так сесть за стол и отметить встречу! Стол всякий раз ломился, проседал от разносолов, ножа не просунешь между тарелками, салатницами, селёдочницами, мис-

ками и вазами. Полина Ивановна загодя готовилась к походу, и гости не с пустыми руками приезжали. Что это были за вечера! Само собой, выпьют хорошо, само собой, закусят отлично. Оно и понятно – мужики как на подбор!.. Прямо шкафы за столом. Не в прогонистого Фрола Кузьмича сыновья – в мать! Широкой кости! Тарелки только отлетают... Но вот наступает момент, когда Фрол Кузьмич, сидящий во главе стола, как настоящий артист, лениво так предложит:

– А не спеть ли нам, мать?

На что Полина Ивановна обязательно, вздохнув картинно, скажет:

– Сиди уж, певун! Отпели мы своё, отец, отыграли!.. Пусть молодёжь отдувается! А мы слушаем!

Молодёжь, конечно, начинает просить! И Полина Ивановна, чуток пококетничав, без всякой разминки и распевки затягивает: «Вот мчится тройка почтовая...» Фрол Кузьмич, он никому не разрешает аккомпанировать матери в этой песне, растягивает меха баяна. И поёт тульский баян на пару с Полиной Ивановной, взмывает вместе с ней вверх: «Ах, барин, барин, добрый ба-а-а-рин...» Уходит в тоске вниз: «Богатый выбрал да постылый...» Вдвоём рвут они души слушателей этой тысячу раз слышанной историей. Любили начинать с этой песни. Выложиться, взять уровень, а потом баян переходил из рук в руки... И что только не пели! Из репертуара Руслановой, Шульженко, Богатикова... Русские народные, украинские обязательно... Далекое за полночь заканчи-

вался концерт.

Кроватей на всех не хватало, мужики ложились на пол. И тогда, чтобы повернуться с боку на бок, надо было отдавать команду – повернуться можно было только всем разом.

Белоярка на косьбу рано-рано поднимается. Покосы за Иртышом, пока туда доберёшься... А ведь надо следовать присказке «коси, коса, пока роса». Ещё темно, а уже начинается движение косарей на берегу, Иртыш оглашает треск лодочных моторов... Одни Кругляковы не торопятся. Они спят. Шутка ли, чуть не до третьих петухов из-за стола не вылезали. Проснутся, когда уже солнце всю разгуляется. Какая там роса? Жара к земле давит. Кругляковых температура окружающего воздуха не волнует. Они, потягиваясь, пьют чай, не торопясь собираются. И возникает традиционный диалог отца с сыновьями. Фрол Кузьмич настойчиво требует взять его с собой, но братьям такой довесок в обузу. Будет под руку указания давать. Они под разными предложениями стараются оставить отца дома. Наконец, под доводами сыновей Фрол Кузьмич сдаётся:

– Да ну вас неслухов! Только бы наперекор отцу поступить.

Лёшка заводит лодочный мотор – братья прыгают в посудину, она тяжело оседает. Лёшка закладывает крутой вираж и нацеливает нос лодки на другой берег:

– Ну, парни, погуляли и будет!

Специально для покоса Лёшка хранит в погребе две фля-

ги с берёзовым квасом. На косьбу берёт пару канистр с фирменным напитком. Покос метрах в двухстах от воды. Братья дойдут до него и за косы. У каждого своя, именная, Лёшка предварительно отобьёт все, он по этому делу мастак с детства.

– Сопли жевать некогда! – скомандует на правах местного. – Это вам не в ваших городах! Давайте упрёмся рогом! Мать уже с пирогами завелась, я утром стерлядку принёс, надо успеть к горяченьким!

Как пойдут косы сверкать в высокой траве... Фрол Кузьмич в своё время при должности главного бухгалтера хороший покос

застолбил. Добрый луг. Перегородят его братья-косари своей шеренгой. И айда... Как упрутся без перекуров... Только время от времени кто-нибудь остановится, воткнёт косу ручкой в землю – чтоб не дай Бог, кто не наступил невзначай – подойдёт к канистре с ядрёным квасом, приложится и опять за косу... Ух, работают... Да и что тянуть... Дома мать с пирогами, стол с гуляньем!

При хорошей погоде через тройку дней сгребают просохшее сено и вывозят на родной берег. Это отдельная песня. Лодку загружают так, что сердце кровью обливается – страшно смотреть, того и гляди перевернётся, Фрол Кузьмич с берега картину увидит – копна летит по воде – и как начнёт ругаться! Лодка едва-едва бортами не черпает воду. Но сыновьям надо быстрее-быстрее! «Чё дробиться!» – говорит

Лёшка. И вправду, «чё», когда пироги стынут, холодец тает, водка киснет? Лодка, чудом не перевернувшись, доставит копёшку на родной берег. Дальше сено перегружается на Лёшкину моторашку, у него на этот случай прицеп имеется специальный. И снова транспортировка идёт на пределе технических возможностей!

– Заполняй бомбовоз до ватерлинии! – командует Лёшка.

Перегруженный «бомбовоз» еле прёт, взбираясь в гору, – берег-то высокий – мотор жилы рвёт, натужно ревёт. У Фрола Кузьмича сердце разрывается:

– Сожгёте моторашку! Лучше лишнюю ходку сделать!

Да куда там «лишнюю»! Сыновьям лучше лишнюю песню за столом спеть!

Чудеса офтальмологии

Корову Фрол Кузьмич держал до последнего, даже когда Полина Ивановна отказалась доить, сам стал обихаживать Марту. «Пока могу – буду!» – упрямо стоял на своём. Умер в одночасье. У Полины Ивановны давление подскочило, вызвали «скорую», приехала машина, укол поставили. Врач, дочь подруги Полины Ивановны, не сразу за порог смоталась, подождала, пока болящей полегчает, посоветовала недельки две в стационаре полежать, дала таблетки на всякий случай...

Врачи уехали, а Фрол Кузьмич вдруг говорит:

– Не могу, Поля, горит всё внутри! Горячим пламенем пылает!

Где-то за полгода до этого вдруг сказал:

– Похорони меня, Поля, рядом с мамой! У отца место лучше, но с мамой хочу! Дурак был, брата послушался, надо было настоять – маму к папе подхоронить! Так Ванька упёрся: «Пусть каждый рядом со своей родовой лежит!»

Полина Ивановна завозмущалась:

– Ты с чего это, Фролушка, засобирался умирать? А я как одна?

– Это я просто к слову...

Но вдруг воспламенилось в груди...

И «скорая» не успела...

Стала жить Полина Ивановна одна. Квартирантов держала, всё веселей. Хоть чаще не совсем путные попадались. Где-то в это время получила Полина Ивановна прочное имя – бабушка Полин. С ударением на «и». Назвал её так трёхлетний внук Серёжа, Федькин сын. Полина Ивановна звала его Сёрьга. «Бабушка Полина» у Сёрьги не выговаривалось, а «бабушка Полин» получалось звонко. С его лёгкой руки Полина Ивановна вошла в последний период своей жизни с именем бабушка Полин. Её так даже Лёшка порой называл. Самое интересное – Полина Ивановна не обижалась, больше того – ей новое имя нравилось.

Будем и мы звать её так.

Корову она продала, но сыновья приезжали и без покоса. Главное занятие стало рыбалка. Уедут мужики, бабушка Полин заставит невесток половики стирать:

– Девки, давайте-ка наведём чистоту, пока мужики рыбу на пирог ловят, тащите в корзинах половики на берег, а я себя помаленьку.

Невестки тащат половики, а бабушка Полин себя с трудом перемещает в ту же сторону. Доковыляет, сядет и смотрит вдаль. С глазами у неё, как и с ногами, совсем плохо, сделали операцию по удалению катаракты, да не совсем удачно.

И вот сидит на берегу. Вдруг говорит:

– Вон сыночки плывут.

Невестки вскинут головы. Вроде как точка на горизонте движется.

– Не может быть, не они это!

– Как не они, когда вон Федька на корме сидит, я же хорошо его вижу.

Как она может видеть? Минут пять назад теплоход прошёл, говорила:

– Звук слышу, а так не вижу.

Но тут уверяет:

– Чё я, не вижу, чё ль! Федька на корме, а Лёшка в носу.

Невестки и лодку ещё не различают, она видит, где кто из сыновей сидит.

И ведь точно угадает. То ли сердце подсказывает, то ли глаза на сыновей зрячими становятся. Чудеса офтальмологии да и только.

Вафельница с метровыми ручками

Собралась бабушка Полин к дочери Светке на Алтай. Как всегда десять сумок набила. Мёд, ветчина домашняя и другая всячина. Лёшка приехал забирать, бабушка Полин сидит на табуретке, вокруг сумки, а в руках вафельница. Да не просто вафельница – музейный экспонат. Оказывается, вафли – изобретение отнюдь не двадцатого века, и не в какой-нибудь французской провинции кулинары придумали, в русской печке тоже делали изысканное печенье. У вафельницы бабушки Полин ручки метровые, да какие метровые! Полутораметровые. Кованые.

Лёшка как увидел мать с этими оглоблями, так и обомлел:
– Мам, ты чё, с ними собралась ехать?! – спрашивает.

Но сам не верит. Ну не может такого быть!

Может.

– А чё? Я, сынок, отпекла вафли-то, надо Светке передать.

Вафельница мне от мамушки досталась! По наследству.

Лёшка аж забежал по комнате!

– У Светки нет русской печки. Нет! Куда она их совать будет?

– На газе будет печь.

– Да у неё кухни не хватит на эти оглобли!

– Хватит, помнишь, когда отцу девять дней делали, на газе вафли пекли!

– Как же не помню! Бабы чуть не поубивали друг друга этими жердями!

– Ничё, Светка аккуратно будет!

Лёшка решил с другой стороны подойти:

– Мам, твой агрегат для моей машины негабаритный, не влезет!

– Как-нибудь войдёт!

– А в вагоне как ты с ним будешь?

– Ничё...

Лёшка понял: мать не переговорить, а время поджидает. Он, как всегда, приехал тютелька в тютельку, никакого зазора по времени не оставил про запас. Лёшка к тому времени с моторашки пересел на «жигули». Вырвал он у матери кондитерский агрегат, крутнулся и за дверь. Прибегает через двадцать минут, ручки почти по самое основание отчекрыжены.

– Едем, мама, скачками, не то опоздаем!

– Ты чё, варнак, натворил? – подскочила с табуретки мать. – Ты чё наделал?

– Как раз Светке с её микроскопической кухней!

– Мамушка мне передала, а ты обкарнал!

Бабушка Полин чуть не в слёзы. А что уже сделаешь?

– Чё ты такой-то безголовый? – ругалась всю дорогу. – Чё безмозглый-то такой?! Сердца у тебя никакого нет!

– И рук нет, и ног тоже! Непонятно – кто тебя каждый раз в город возит?!

– Он ещё и подшучивает! Испортил вафельницу!

– Да купит Светка какую надо! Сейчас и электро есть, и на газе! Зачем ей твоя уродина?!

– Это же мамушкина вафельница! Как ты не понимаешь? Мамушка на ней на свадьбу мою пекла и, когда ты родился, в роддом мне приносила вафли, на ей сделанные...

На Алтай в тапочках

Бабушка Полин любила у дочки Светланы гостить. Она бы и к старшей Анне ездила, да та жила чересчур далеко – в Чите. Туда не наездишься – трое суток на поезде. Сыновья в Омске жили, но их реже, чем Светку, посещала, неудобно себя рядом с невестками чувствовала. В тот раз собралась в Бийск в декабре. Никольские морозы ударили, она Лёшке звонит: отвези в Омск на вокзал. Лёшка примчался везти маму, она сидит в зимнем толстенном пальто, в шали... А на ногах розовые тапочки в горошек. Обувь никак не по погоде....

– И чё? – остолбенел Лёшка, разглядывая матушкин прикид.

– Танька-квартирантка, сучка такая, мои валенки и сапоги куда-то задевала! Пропила, наверное. С неё станет. И слиняла – второй день нет, а я обыскалась, не в чем ехать. Не поеду.

– Как это? Толя билет уже купил! Светка ждёт! А ты «не поеду»!

– В чём?

Забегал Лёшка по дому в поисках, вдруг что-то найдётся. А ничего. На улице без малого сорок градусов. Но Лёшка был бы не Лёшка, если б согласился материн отбой уныло поддержать. Прекратил поиски. Встал перед матерью и ши-

рокими мазками набросал план взятия Алтая:

– До Омска за полчаса на машине долетим, на вот шаль, укутаешь ноги, не замёрзнут. До вагона тебя с Толиком на руках донесём, он на вокзал обещался прийти, а в вагоне тепло. Светке сообщим, она тебе какие-нибудь чуни найдёт.

Так и сделали. Сыновья маму, не успела она из машины вылезти, подхватили на руки. Хотя мама далеко не изящных размеров, да они её, как лёгкую лебёдушку, шутя, внесли в вагон, посадили на сиденье!

Попутчики всю дорогу удивлялись. Бабулька в розовых тапочках за тысячу километров в самые морозы двинула в гости.

Доехала путешественница в легкомысленной обуви и даже не кашлянула. Светка в Бийске валенки принесла, бросилась в вагоне обувать.

– Вот я барыня. К поезду на руках приносят, в поезде обувают, как принцессу...

Лебединое озеро

Приехала бабушка Полин в Омск праздновать пятидесятилетие внука Сёрги. Навезла вкусноты, пирог рыбный испекла дома. «На вашем газе ничё у меня не получается». Накрыли стол, вот-вот гости придут, она всполошилась:

– Эт чё это я тут растрёпой сижу, надо в парикмахерскую сходить!

Толя стал уговаривать:

– Мама, куда ты?

Разве маму уговоришь, коль решила.

– У вас тут рядом, пойду!

– Там же по записи, мама!

– Ничё, скажу, из деревни бабушка, у внука день рождения, не растрёпой сидеть!

Ушла. Вот уже и гости собрались, бабушки Полин нет. Слюной все исходят за столом, но нельзя начинать. Наконец часа через два заявляется. Химку сделала, волосы покрасила, маникюр.

В другой раз поехала на юбилей Федьки. Не Федьки, конечно, Фёдора Фроловича. И сюрприз приготовила. Лёшка приезжает за ней на машине, бабушка Полин как всегда сумок набрала. Чего только не наготовила: от шанежек до рулета куриного. Пирог рыбный, само собой. Кроме этого стоит на столе наготове огромное блюдо.

– Чё, и вот это тащить? – Лёшка привык к маминым чудачествам, но такого ещё не было!

– А как же!

Бабушка Полин по телевизору услышала рецепт и решила удивить гостей. Из желе делается голубое озеро с зелёной волной, а по нему плывут два заварных лебедя со сладкой начинкой. Каждая деталь прописана, каждая проработана. Клювики у лебедей красненькие, глазки выведены, чуть ли не каждое пёрышко прорисовано. Красота. С великими предосторожностями довезла бабушка Полин «озеро». Всю дороженьку ругала Лёшку:

– Да не гони ты! Осторожно! Куда тебя несёт?

– Чё, нам ползком ехать из-за твоих дурацких птиц озёрных? Засмеют меня мужики по трассе!

– Ну и засмеют! Зато озеро будет в целостности!

Довезли. На балкон поставили. Гуляют, до сладкого не дошло ещё, а внук Сёрыга захотел стрельнуть фейерверком с балкона, ломанулся туда, бабушка Полин вскричала заполошно вослед, будто пожар разыгрывается:

– Стой, Сёрыга! Стой! Леблядей поломаешь, зараза такая!

А Сёрыга и на самом деле ногу занёс в озеро вляпаться. Но только чуток повредил гладь.

Бабушка поворчала на внука, пригладила озеро.

Но любила Сёрыгу и его придумку с бабушкой Полин.

Поскучнела жизнь, да не совсем

Жизнь поскучнела на бабушку Полин с её смертью. Конечно, новые песни придумала жизнь, и что там о прежних тужить. Сэрьга вон как хорошо поёт. Голос сильный, красивый. Но исключительно на рэп налегает. Отец ворчит:

– Чё за музыка? Скачки голой задницей по стиральной доске!

– Ну не «Ёшь» твою петь! – обижается Сэрьга!

– А чем, скажи, плохая песня? Чем? – заводится отец. – Вслушайся, какая мелодия...

И, желая одержать победу в эстетическом споре отцов и детей, хватает баян:

В поле за околицей,
Там, где ты идёшь,
И шумит и клонится
У дороги рожь.

Сэрьга сначала молчит, а потом подхватывает, и они на два голоса доводят песню до конца.

– Ну чё? – победно вопрошает отец.

– Ничё, – снисходительно говорит Сэрьга, – бабушке, может, понравилось бы!

– Слышал бы, как она в молодости пела... – Фёдор Фро-

лович растягивает меха:

Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой,
Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой.

И снова Сэрыга не остаётся в стороне, поддерживают отца. Он знает все песни семейного репертуара. Но сам поёт один рэп. Зато какой аккомпанемент на баяне наяривает! Тут никакой рэпнутый негр за ним не угонится... Деду Фролу обязательно понравилась бы игра внука. Про бабушку Полин и говорить нечего...

РЕВЕЛА БУРЯ В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Рассказ

Завёлся у Любаши Светличной жених на море-океане. Не из пучка водорослей, а от брата Димки. Морячок торгового флота брат в ревущих широтах показал дружку Мише фотоличико сестры:

– Гля, какая сеструха!

– Ба! – только и вымолвил поражённый красотой сибирячки Миша и побежал сочинять письмо в сторону далёкого берега.

Дошла океанская весточка по волнам и через тайгу с болотами в Сибирь. Завязалась переписка. И вдруг, трах-бах, от моряка телеграмма: «ПРИЕДУ НА НОВЫЙ ГОД ТЧК».

В доме у Светличных случился психоз. Любаша у родителей была последним чадом. Когда хорошо за сорок обом стукнуло, учудили младшую дочу. В момент образования просоленного океанскими ветрами Любкиного жениха родители невесты имели прочный, не отдерёшь, статус деда Макара с бабой Мотей. С пенсией и внуками. Кроме моряка-холостяка Димки и Любаши, имелась ещё дочь Валентина и сын Геннадий.

Мишин причал находился в Кашире, что в Московской

области. Как бабе Моте не вдалбливали родственники все вместе и по одному, что Кашира помене их Ачинска в длину и поперёк, всё равно считала: жених из москвичей.

– Ой, Любка, – причитала, – опозоримси-и-и. . .

Миша сообщал, что он механик. Данное ремесло баба Мотя очень уважала. Это не Димка-непутня, радист какой-то, а здесь – механизмы! «Имя заведовать, говорила баба Мотя, – это не ручки у радио туды-сюды вертеть».

Были у бабы Моти переживания по застольной программе: чем угодить москвичу, что в роду их метит? Но главная тревога, терзавшая сердце хозяйки, – компания. В её мужицкой части. Ох, богата она была на подводные камни. Самый опытный мореход может лоб расшибить и перехотеть жениться.

В отношении камня «врезать за Новый год» баба Мотя на оргкомитете постановила: если кто переврежет, невзирая на принадлежность лица – муж, сын или зять, – физиономии утюгом отрихтует.

Но мужики не только врезать были мастаки. У деда Макара после третьей рюмки душа пёрла наружу так, что пуговицы не выдерживали. До пупа расстёгивались как сверху, так и с шириночной стороны. Свои с пониманием относились к рвущейся сквозь застёжки душе. А вот как москвич отреагирует?

Зять Никита по пуговицам был вне подозрения. Зато под хмельком петь любил. Вокалировать начинал без палочки

дирижёра. Как мешком из-за угла ударяли. И для самого певца неожиданно. Вдруг в голове замыкалось реле, и всегда на «Ревела буря, дождь шумел!..» А ревел Никита, как та буря во мраке. Штормовую стихию в масштабе один к одному рисовал. Сидит компания, выпивает-закусывает, на небе ни облачка, вдруг Никита как рявкнет подвальным басом: «Ревела буря» Не зная певца, можно с инфарктом в салат лицом угодить.

Баба Мотя дочери Валентине наказала ни на секунду не отвлекаться от мужа Никиты, отвлекая его песенное реле от бури. А на вырывающуюся от винных паров душу деда Макара сама нашла управу: приказала надеть вместо рубахи водолазку сына Генки. Широночную калитку хотела обойти спортивным трико. Дед попытался вякнуть:

– Я что – цирк приехал?

На что баба Мотя рявкнула:

– Тут хуже – москвич едет!

Но посмотрела на обтянутую в водолазку и трико тощую фигуру мужа, с лысой, как колено, головой и плюнула:

– Срамота!

Дед даже с распахнутой настежь ширинкой смотрелся лучше.

Кстати, жених тоже переволновался, собираясь на смотрины. Писаным красавцем себя не считал, но и не урод, чтоб глаз косой или нос набок. А всё одно – беспокойство имелось. Как никогда часто в зеркало гляделся. Но с каждым

автобиографическим отражением всё больше убеждался – нормальный ход. И вдруг красота, как в помойное ведро. Всю жизнь тридцать два зуба без пломб и червоточины, а тут... За день до отлёта к невесте жених в баню пошёл, после парной бес под руку толкнул: открой пиво зубами...

Переступив порог Сибири, Миша старался левую половину рта не раскрывать. Маскировал изъян красоты. В результате даже улыбка кособокая получалась. Отчего вся физиономия имела вид: «Что вы тут, лапти сибирские, волокёте в жизни? Вот мы – москвичи!...» На самом-то деле улыбался от души, даже застенчиво. А получалось – сквозь зубы. Окружающие думали: «За каким хреном-овощем вообще было ехать?»

Невесту посадили как раз со стороны зубной недостатчи. Любаша, глядя на поджатые губёшки суженого: изводилась, ну что ему не по душе?

Потенциальная тёща тоже не знала, как быть? Она, сияя личиком, гостю рыжики отведать предлагает: «Кушайте, сами собирали». Тот всю тарелку полуведёрную подчистую навернул, а всё равно физиономию кривит. Бабе Моте как нож под сердце. Да что за люди москвичи эти?! Ведь видно – нравятся грибочки. Нет, косорылится, как, прости, Господи, непотребным накормили.

Мужикам и совсем бы плевать на кривизну гостя, кабы им граммов по двести на каждый глаз. От закусок стол проседал, а пить разрешалось по предпраздничной инструкции

только сухое вино. Под страхом смерти. «Портвейна» хотя бы взяла, – ворчал про себя дед Макар на бабу, – а то мочу эту...»

– По коньячку? – предлагал Миша мужикам.

– Ага, – дружным хором звучало в ответ.

– Они не пьют! – сверкала глазами на хор баба Мотя.

– Не пьём, – вздыхали мужики.

Дочь Валентина, помня материнский наказ, отвлекала Никиту от «Ревела буря» пинками. Хотя с чего петь-то? С кисляка впору волком выть. Но жена пинала: «Не пой!» И ведь не в войлочных тапочках сидела. Как же – московский гость! В туфлях. Ещё бы лодочки, тогда куда ни шло. А тут подошва, как из БелАЗовской резины. После третьего пинка налился синяк. Вскоре конечность можно было ампутировать.

Никита запросился поменяться местами.

– Чё у тебя гвоздь в стуле?

– Ногу отсидел.

Через полчаса к ампутации созрела вторая конечность. Баба Мотя тоже периодически толкала деда в бок:

– Застегнись!

Дед судорожно хватался за насмерть застегнутую на замок и две булавки ширинку. А москвич с кривой физиономией недоумевающе смотрел на дёргающегося с частотой отбойного молотка Никиту, на деда, то и дело хватающегося за причинное место. Только Гена сидел тихо со смертной тос-

кой в глазах. Он вспоминал, как славно гуляли без москвича раньше.

В прошлом году в три часа ночи давай в фанты играть. Деду Макару досталось с балкона овцу изобразить. Взбрыкивая, зарысил дед на четвереньках на балкон, откуда на всю округу заголосил:

– Бе-е-е-е!..

Жалостно так. Глупая овечка от отары отбилась, боится, что на шашлык наденут. Отблеял дед Макар и только за рюмку – сольный номер отметить, – звонок в дверь. Лейтенант милиции.

– У вас, – строго спрашивает, – на балконе сельхозскотина?

– Ага, – дед Макар цветёт.

– В частном секторе, – говорит милиционер, – похищена овца. Надо провести опознание.

– Запростака, – хохотнул дед Макар, упал на четвереньки и, бекая, пробежался по комнате.

– Косим под психклиента? – не улыбнулся милиционер. – Так и занесём в протокол.

– Мил человек! – пришла в себя баба Мотя. – Какой протокол? Старый дурак напился. Ничего мы не воровали. Смотрите сами...

– Успели перепрятать! – заглянул милиционер на балкон. – Придётся пройти в отделение.

От волнения дед Макар в секунду расстегнул все пугови-

цы на ширинке.

– Вы чё?– отпрыгнул от него милиционер и достал наручники. – Гомик?

– Точно, – сказала баба Мотя. – Убила бы, какой комик. Прордыху от его надсмешек нет. Доблеялся, старый козёл!

– Я имел в виду, что он гомосексуалист!

– Какой там сексуалист! Давно уже, слава Богу, с этим не пристаёт.

– А чё тогда на меня ширинку нацелил? Я же при исполнении.

И забрал деда.

Не успела баба Мотя утереть слезу и снарядить дочек вырывать папу родимого, как грохот в дверь:

– Откройте! Милиция!

Дед Макар в милицейской фуражке и в обнимку с недавно арестовавшим его лейтенантом, у которого в руках бутылка самогонки.

Оказывается, милиционер – это племянник соседа снизу, приехал к дядьке в гости из Абакана. Ну, и решил подшутить.

Славно всегда гуляли. Тогда как нынешний праздник летел, как говорил в таких случаях дед Макар, корове в подхвосту...

Баба Мотя всю жизнь угощения делала тазами. Таз пельменей, таз колдунов – вареники с капустой, – таз винегрета... На этот раз тазы были практически нетронутыми. Мужикам

на сухую в горло не лезли ни пельмени, ни колдуны...

– Хватит! – в один момент хлопнул по столу дед. – Спать!

На часах ещё и двух не было. И это сказал дед Макар, который, как правило, в Новый год куролесил до следующего вечера. Приткнётся где-нибудь на полчаса, проснувшись, пуговицы застегнёт и опять гулять. Тут отрезал: «Спать!» И все согласились.

Гуляли они в однокомнатной квартире сына Генки. В своём добротном частном доме привечать гостя баба Мотя наотрез отказалась – не с деревни, чать, гость приехал. У Генки имелся дефицит спальных мест. Женщины выбрали диван-кровать и покато поперёк лежбища разместились. Мужикам постелили на полу, гостю – на кухне, на раскладушке.

Мужики суровым строем лежали под ёлкой. Не спалось. Червь недовольства точил их. Один всех троих. Большой и злой. Двенадцать месяцев ждёшь праздник, и вот он бездарно летит в подхвостицу. За окном смех, песни, визг...

И попробуй, усни, когда ни в одном глазу.

– Сейчас бы снотворных капель! – зашептал дед Макар.

– Пару кружек, – согласился Никита. – Пойду-ка я погляжу.

– А? – спросонья услышала его голос супруга.

– Бэ! – недовольно продолжил алфавит муж. – В туалет хочу. До утра что ли терпеть?!

Заурчала вода. Вернувшись, Никита доложил командному пункту под ёлкой: «Спит». Начался совет в Филях под

одеялом, что делать? Но и враг не дремал.

– Вы что там вошкаетесь?– спросила Валентина.

«Кто вошкается?» – хотел возразить Генка, но дед Макар вовремя зажал ему рот. Надо было усыпить бдительность противника. «Храпите!» – приказал дед. Мужики начали свистяще-храпящими руладами изображать спящих. И женщины сомлели под эту музыку.

– Всё! – зашептал Генка. – Я на разведку. Вы храпом прикройте.

На четвереньках он добрался до порога и растворился во мгле. Оставшиеся извлекли уши из-под одеяла, вперили их в темноту. Заскрипела дверь, взвизгнула раскладушка.

– Укоренился, – сказал минут через десять Никита. – Я пошёл.

– Стой! – остановил дед Макар. – Старших положено вперёд... А ты храпи за троих!

Женщины спали беспокойно. Любаша во сне плакала на пирсе. В море уходил жених на корабле с жёлтыми, как детские пелёнки после детских неожиданностей, парусами. Валентина то и дело взбрыкивала – она всё ещё противопесенно пинала Никиту. Баба Мотя плакала во сне над прокисающими в тазах пельменями и колдунами...

Однако в семь утра женщин сорвало с дивана. Из кухни громом грянуло:

Ревела буря, дождь шумел,

Во мраке молнии блистали,
И непрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

Буря ревела на всю пятиэтажку. Женщины бросились на голос.

Мужики сидели на кухне в трусах. Хорошо сидели.

– Любка, – вышаривал на майке пуговицы дед Макар, – выходи за Михаила. Наш человек! Сибиряк!

– Во мраке молнии блистали! – подтвердил сказанное Никита.

– Чё так-то без пельменей, – бросилась разогревать закуску баба Мотя, – без колдунов... Сколько наготовлено!..

Она была счастлива, увидев пьяно, но не криво, улыбающегося во все свои тридцать один с пеньком зубы москвича Михаила.

Такой зять был в самый раз.

В оформлении обложки использован рисунок художника Владимира Чупилко.